

ЛАТ. DĪVUS И DEUS

Латинские слова *dīvus* (архаич. *deivos*) и *deus* (более поздняя форма) имеют надежные соответствия в родственных индоевропейских (и.-е.) языках и достаточно ясную этимологию. Архаич. лат. *deivos*, др.-прусс. *deiwas*, др.-инд. *dēváh* 'бог' и другие соответствия всеми исследователями рассматриваются как производные с суффиксом *-u-*, образованные от и.-е. корня **dei-* / **di-* 'светить, блестеть'. Эти производные семантически могут быть разделены на три основные группы: 1) 'день', 2) 'небо', 3) 'бог'. Ср.: др.-инд. *dívāh* 'небо' и 'день' (а также: 'излучение'), лит. *dievs* 'небо' и 'бог',¹ кимр. *dyw*, арм. *tiv* 'день' и др.

О глубокой древности и.-е. названия бога свидетельствует тот факт, что на его примере можно наглядно проиллюстрировать известную теорию Э. Бенвениста о двух состояниях и.-е. корня.² Согласно этой теории, при полной ступени огласовки и.-е. корня суффикс имеет нулевую огласовку, и Э. Бенвенист называет его в этом случае «расширителем» (*élargissement*) корня, а при полной ступени огласовки суффикса нулевая огласовка будет у корня. Применительно к и.-е. названию бога картина выглядит достаточно убедительной:

1) **dei-u-os* (корень *dei-* + расширитель *-u-*) → архаич. лат. *deivos*, др.-прусс. *deiwas* и др.;

2) **di-ey-s* (корень *di-* > *dj-* + суффикс *-ey-*) → др.-греч. *Zeús*, др.-инд. *dyáuṣ* 'бог неба' и 'день'.³ Ср. также: **di-ey-es* (Gen.S.) → лат. *Iov-is*.

Второе состояние корня **dei-* / **di-* имеет ряд производных с теми же основными значениями, что и производные первого состояния: др.-инд. *dyú* 'небо', 'день' и 'блеск', *dyu-patiḥ* 'бог' (букв. 'повелитель неба'),⁴ лат. *diū* 'днем' и др.

В процессе словоизменения закономерность, согласно которой корень или суффикс должен иметь полную ступень огласовки, нарушается. Здесь оба компонента могут иметь нулевую огласовку: Nom. Ζεύς — с полной огласовкой суффикса (*di-εϋ-), но далее — Δι-(F)-ός, Δι(F)-ί, Δι(F)-ει. Древность этой особенности и.-е. словоизменения подтверждается отмеченным у Э.Бенвениста полным совпадением приведенных древнегреческих форм с ведическими: Dyáuh (*di-ēϋ-) — с одной стороны, и di-v-áh, di-v-í, di-v-é — с другой.⁵

А. Мейе почти 100 лет тому назад отметил, что у и.-е. корня *di- 'светить' имеются производные со значением «день», образованные посредством суффиксальных -n- и -ϋ-.⁶ Позднее, особенно в работах Э. Бенвениста и Ф. Шпехта, подобное явление получило название «чередование суффиксов». Применительно к производным с корнем *dei- / *di-, наиболее показательными примерами параллельных образований с суффиксами -n- и -ϋ- могут служить др.-инд. dí-n-am = di-v-ám 'день' или ст.-слав. ДЬ-Н-Ь и кимр. dyw⁷.

Эта своеобразная «взаимозаменяемость» суффиксов -n- и -ϋ- не является какой-то исключительной особенностью анализируемой группы слов. К сожалению, проблема чередования суффиксов в и.-е. языках не стала объектом специального обобщающего исследования. Хотя отдельные суффиксальные чередования подвергались детальному анализу. В частности, в книге Э.Бенвениста «Индоевропейское именное словообразование» две главы (I и VI) посвящены и.-е. чередованиям -g- / -n- типа др.-греч. δῶ-ρ-ον, ст.-слав. ДА-Р-Ъ : лат. dō-n-um, ст.-слав. ДА-Н-Ь.

Некоторое представление о суффиксальных чередованиях -n- / -ϋ- типа др.-инд. dínam : divám 'день' могут дать следующие выборочные примеры:

Суффикс -n-		Суффикс -ϋ-
рус. кле-н-ъ	=	лит. klē-v-as <i>idem</i> ,
рус. ста-н-ъ	=	лтш. stā-v-s 'фигура, стан', 'ткацкий стан' и другие значения,

рус. диал., укр. и др. клю-н-ъ	=	рус. клю-в-ъ,
чеш. žlu-n-a	=	чеш. диал. žlu-v-a 'дятел',
лит. sraun-n-ùs	=	лит. sru-v-ùs 'быстро текущий'
лит. kál-n-as 'гора'	=	лит. kal-v-à 'холм'
лит. plė-n-ė̃	=	лит. plė-v-ė̃ 'перепонка', ⁸
др.-рус. сьр-н-а 'серна'	=	лат. ser-v-a 'лань',
лтш. sir-n-a 'серна'	=	др.-прус. sir-v-is 'олень', ⁹
др.-греч. γέρα-v-ος	=	болг. жера-в 'журавль', ¹⁰
др.-инд. řī-n-ah 'текущий'	=	лат. řī-v-us 'ручей, поток'. ¹¹

Этот список можно продолжать и далее. В него естественно входят производные корня *dei- / *di- с суффиксами -n- и -ϋ- (например, др.-инд. dí-n-am = di-v-ám 'день'). Распределение основных значений у производных с суффиксами -n- и -ϋ- в разных и.-е. языках неодинаково. Однако в большинстве случаев за образованиями с суффиксом -ϋ- закрепилось значение «бог» (архаич. лат. deivos, лит. dievas, др.-инд. dēváñ и др.; но: лтш. dievs 'бог' и 'небо', кимр. dyw и арм. tiv 'день', др.-инд. divám 'день' и 'небо'), Гораздо более последовательно производные с суффиксом -n- связаны со значением «день» (балтийский, славянский, германский, кельтский, итальянский и другие и.-е. языки). Однако и здесь, кажется, просматриваются следы также и значения «бог». Так, В. Георгиев интерпретировал название македонского топонима Δив-δρόμη как 'роща Зевса', считая это название фракийским или македонским.¹² Загадочная парадигма спряжения Ζήν 'Зевс', Ζηνος, Ζηνι, Ζήνα (а также Ζάν, Ζανός, Ζανι) едва ли может быть достаточно убедительным образом объяснена из формы винительного падежа Ζήν.¹³ Скорее можно предположить, что две парадигмы склонения имени Зевса отражают формы с суффиксальными -ϋ- и -n- (последнее, кстати, вычленяется у хеттского řiu-n-a- 'бог'¹⁴).

Поскольку чередования сонантных суффиксов неразрывно связаны с древней гетероклизой,¹⁵ установленное А. Мейе чередование -ϋ- : -n- для и.-е. корня *dei- / *di- позволило

А. Нерингу реконструировать достаточно правдоподобную древнюю гетероклитическую парадигму *dei-u- : *di-n-és.¹⁶

Все это позволяет высказать в качестве рабочей гипотезы предположение о том, что лат. (res) deina (букв. 'божественное дело') и (rei) dīnai (Dat.S.)¹⁷ представляют собой отражение того же самого суффиксального чередования -n-:u-, которое характерно для производных и.-е. корня *dei- / *di-.

В настоящее время общепризнанной является, казалось бы, очевидная реконструкция: Dīvinus > dīnus.¹⁸ Однако здесь далеко не все столь просто и очевидно. Выпадение *v* между гласными одинакового качества происходило при неопределенных условиях (unter unklaren Bedingungen).¹⁹ При этом важную роль играло место ударения. М. Нидерман, в частности, отмечает, что *v* не выпадало между одинаковыми гласными, «когда второй из этих гласных нес на себе ударение».²⁰ Ср. *oblīvitus > oblītus, но oblīvīscor, lavātrīna > lātrīna, но lavātio. По той же причине, считает М. Нидерман, *v* сохранилось в avārus, sevērus и ... dīvinus (!).²¹

Еще сложнее объяснить выпадением *v* форму deina. А. Эрну возводит ее к *deivīna.²² Однако в этом случае *v* также оказывается перед ударным гласным. Кроме того, после выпадения *v* должна была образоваться форма *deīna, у которой было бы трудно объяснить сокращение долгого ударного *i*. Ссылки А. Эрну и И. М. Тронского на *sī vīs > sīs* не убеждают, ибо в последнем случае речь идет о фонетическом изменении на границе слов в форме аллегро-речи. Едва ли кто-нибудь, например, изменением magis volō > māto решится объяснить фонетические изменения внутри простого слова.

Можно было бы попытаться объяснить лат. dīnus выпадением *v* между гласными одинакового качества, но тогда за исходную следовало бы принять форму не dīvinus (= лит. diėvūnas 'сын бога'), а *dīvinus (= лит. diėvīnas 'божеский, божественный'), ср. также др.-рус. дивьныи и другие славянские соответствия.²³ Однако никаких следов слова *dīvinus

в латинском языке не сохранилось. К тому же, при объяснении более архаичной формы deinus по-прежнему остаются проблемы. В то же время при допущении чередования -u-:n-, которое, как это доказал А. Мейе, бесспорно имеет место у производных и.-е. корня *dei- / *di-, картина предстанет достаточно последовательной: др.-инд. di-v-ām : dī-n-am 'день' = арм. ti-v 'день' : др.-рус. дь-н-ь = лат. dei-v-us : dei-n-us 'божеский, божественный' = лат. dī-v-us : dī-n-us idem.²⁴

Сюда же можно отнести такие *di-e-:*di-en-, где *di* перед гласным дает *dj*- с последующей палатализацией, а в форме номинатива *e* удлиняется (ср. др.-греч. φῆν — φρενός 'ум' и др.). В случае с *dj-e-s в позиции перед неслогообразующим *u* + согласный *e* сократилось, после чего возникла форма Ζεύς.²⁵ Форма же *dj-en закономерно дала Ζῆν с парадигмой: Ζηνός, Ζηνί, Ζήνα., т.е. как φῆν, φρηνός 'клин', а не как φῆν, φρενός.

Одним из наиболее интересных вопросов, связанных с историей анализируемых слов, является вопрос о соотношении форм dīvus и deus. Вторичность формы deus едва ли может вызвать у кого-нибудь сомнения. Среди исследователей существует полное единодушие по поводу того, что форма deus была образована от архаич. лат. deivos в результате выпадения интервокального *v*. Правда, в деталях авторы разных работ расходятся между собой.

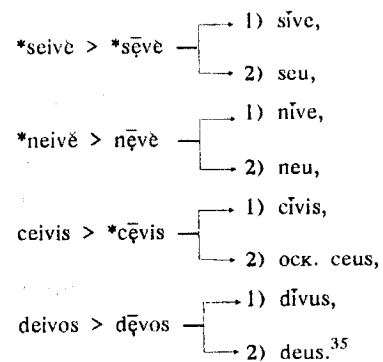
И.-е. *deivos вплоть до первых памятников латинской письменности не претерпело фактически никаких изменений. Уже в историческую эпоху произошла монофтонгизация дифтонга в составе корня: *ei* > *ē* > *i*, т.е. deivos > *dēvos > dīvus. На каком из этапов фонетического развития произошло предполагаемое выпадение интервокального *v*? А. Эрну считает, что *v* выпало после корневого гласного, бывшего еще на стадии дифтонга: deivos > *deios > deus.²⁶ Другие исследователи полагают, что *v* выпало после долгого закрытого *ē*: deivos > *dēvos > *dēos > *deos > deus.²⁷ Трудности в объяснении выпадения интервокального *v* даже между гласными одинакового качества («zwischen quantitativ gleichen Vokalen») отмечались М. Лойманом²⁸ и другими

учеными. Едва ли можно признать убедительным предположение о том, что интервокальное *v* выпадало в позиции перед *ō*.²⁹ Несколько изолированных аналогий, переходящих из учебника в учебник, ничего не доказывают, а в ряде случаев могут быть объяснены иначе. Так, одним из «дежурных» примеров подобного рода обычно служит выпадение *v* в *dēvōrsūm* > *deorsum* «вниз». Ср., однако: *dēvōlo* «слетаю», *dēvōmo* «изрыгаю», *dēvōro* «пожираю», а также *lēvōr* «гладкость», *līvōr* «синяк» и др., где *v* не выпадало в аналогичной фонетической позиции. Более того, у образований с той же приставкой и с тем же корнем, что и у слова *deorsum*, *v* в позиции после *ē* и перед *ō* также не выпадает: *dēvōrto* «заворачиваю» (Плавт, Теренций), *dēvōrsorius* (Плавт) «заезжий, постоянный (т.е. двор)». Наконец, у наречия от того же корня *vort-*, но с другой приставкой происходит синкопа, а не выпадение *v*: *revōrsūm* > **reursum* > **rousum* > *rūsum* «назад». Подобные процессы, при которых *v*, оказавшееся после синкопы следующего гласного (и не только *ō*) не в интервокальном положении, переходит в *u*, имеют достаточно широкое распространение: *iovestos* (CIL I²,1) > *iūstus*, *iovesat* (CIL I²,4) > *iūrat*, *novem* «девять» → **novenos* > *nūnus* (в *nūn-dīnae*), ср. также: *πομπάς* (CIL X, 2381).³⁰

Приведенные примеры позволяют высказать предположение о том, что при изменении **dēvōs* в *deus* имело место не выпадение *v* между гласными разного качества, а синкопа *ō* — обычная для флексии *-ōs*. Эта синкопа часто имела место после *r*, а также (нерегулярно) после *l* и *v*: **agros* (др.-греч. ἀγρός) → **agrs* > *ager*, *famulos* > *famul*, **reuos* (ср. др.-инд. *ravaḥ* «пространство») > **rouos* (как *duenos* > *duonos*) > **rouis* > *rūs*, **ieuos* > **iouos* (ср. *ioves-t-ōd* — CIL I²,1) > *ious* > *iūs*.³¹ Обращает на себя внимание, что гипотеза о выпадении (в слове *deivos*) *v* перед *ō* предполагает переходную форму **deos* или **deios*. Однако, хотя конечное *-os* вытеснялось флексией *-us* на протяжении достаточно длительного времени, эти формы ни разу не засвидетельствованы, несмотря на высокую частотность слова *deus*. Предлагаемая реконструкция **dēvōs* > *deus* объясняет эту стран-

ную особенность, ибо вообще не оставляет места для формы **deos*, которая могла бы возникнуть в латинском языке только как своего рода «гиперархаизм».

В латинских словах, близких по своей структуре к слову *deivos*, *dīvus*, нигде не происходило выпадения *v* перед *-ōs*: *preivos* > *prīvus* «отдельный», но нет слова **preus*; **reivos* > *rīvus* «ручей», но нет **reus*; **kloivos* > **cleivos* > *clīvus* «склон»,³² но нет **cleus*. Эти примеры резко противоречат гипотезе о выпадении *v* перед *-ōs*. Фонетические изменения, как известно, протекают одинаково в одних и тех же фонетических условиях. В этом отношении синкопа представляет собой исключение, ибо это — нерегулярное явление в латинском языке, быть может, даже связанное с иноязычным влиянием.³³ Наличие параллельных синкопированных и несинкопированных форм одного и того же латинского слова (*infer* и *inferus*, *socer* и *socerus* и мн. др.) — давно и хорошо известный факт. Подобными же параллельными формами являются также *deus* и *dīvus*. Эта пара слов естественно вписывается в следующую небольшую схему:³⁴

Перед нами — явный параллелизм в образовании несинкопированных и синкопированных (гесп.: апокопированных) форм, которые невозможно объяснить выпадением интервокального *v*. В то же время несостоятельной была бы попытка выделить из приведенного ряда идентичных явлений последний пример и объяснить его иначе, чем остальные.

Интересным представляется сравнение оскского *seus* и латинского *civis*, отражающее обычное соотношение оскских синкопированных и латинских несинкопированных форм. Последнее может быть сопоставлено с соотношением подобного же типа, четко представленное при сравнении латышских и литовских слов типа лтш. *vīrs* и лит. *vūgas* 'муж'. В латинском языке, как известно, так же, как и в латышском, имела место (в данном случае) синкопа: **ciros* > **ciirs* > **ciig* > *vir*. Исходная форма здесь совпадает с литовской (кроме количества корневого гласного), а вторая — с латышской, которая, однако, сравнительно с лат. *vir*, сохранила более архаичную структуру (без ассимиляции *rs* > *rr* с последующим упрощением двойного согласного). То же самое соотношение мы находим в случае с лит. *diēvas* (ср. лат. *dīvus*) и лтш. *dievs* (ср. лат. *deus*). Но особенно интересным представляется материал древнепрусского языка. Здесь, как и в латинском языке, параллельно встречаются несинкопированная и синкопированная формы того же самого слова «бог»: *deiwas* = *deiws*. В первом из этих слов, в отличие от латинского *dīvus*, в корне сохранился древний дифтонг *ei* (как в архаич. лат. *deivos*). Индоевропейская флексия *-os дала в др.-прус. -as, а в лат. -us. Синкопированная древнепруская форма *deiws* также архаичнее латинской синкопированной формы *deus*, ибо она сохранила дифтонг *ei* и неслогообразующее *ц*, которое в латинском слове дало *и*.

Балтийский материал, который, кажется, никем не привлекался для освещения вопроса о соотношении форм *dīvus* и *deus*, надежно подтверждает предложенную в настоящей статье интерпретацию. Таким образом, и внутренняя реконструкция (*dīvus* : *deus* = *sive* : *seu* и др.) подкрепляется данными сравнительно-исторического сопоставления (лат. *dīvus* : *deus* = др.-прус. *deiwas* : *deiws*). Следовательно, в историческую фонетику (а отчасти — и морфологию) латинского языка должны быть внесены существенные коррективы.³⁶

¹ Характерно, что в самом древнем слое балтийских заимствований в финском языке (они древнее германских и намного древнее славянских заимствований) мы находим слово *taivas* в значении «небо», а не «бог». См.: Thomsen V. Berøringen mellem de finske og de baltiske (litauisk-lettske) Sprog. København, 1890. S.166.

² Бенвенист Э. Индоевропейское именное словообразование. М., 1955. С.181—201.

³ Там же. С.86, 197 и др.

⁴ Ср. также сходные композиты: др.-греч. *Voc. Zeū páter* и лат. *Iuppiter* (архаич. лат. *Dies-pater*).

⁵ Бенвенист Э. Индоевропейское именное словообразование. С.86.

⁶ Meillet A. Études sur l'étymologie et le vocabulaire du vieux slave. Paris, 1902—1905. P.431. См. также: Brugmann K. und Delbrück B. Grundriß der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen: 2 Aufl. Straßburg, 1897 ff. Bd II¹. S.264.

⁷ Ср. также лит. *dienà* 'день', гот. *sin-teins* 'ежедневно', лат. *nūn-dinas* 'базарные дни восьмидневной недели' (8 + предыдущий базарный день: *nūn* < **novem* - 'девять'), а также арм. *tiv* 'день'.

⁸ Ср. рус. *пеленà* и *плева* (см.: Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1971. Т.III. С.277).

⁹ Последние две пары представляют собой производные, имеющие этимологическое значение «рогатый». То же чередование *n/ñ* наблюдается и в названиях *roga*: гот. *haif-ñ*, лат. *cor-ñ* и, но др.-греч. *ker-α(Ε)ός* 'рогатый'. Подробнее об этой группе слов см.: Топоров В. Н. Прусский язык. Словарь I—K. М., 1980. С.238—243.

¹⁰ Сюда же следут отнести лит. *gar-n-ys* 'аист, цапля' и *gér-v-é* 'журавль'.

¹¹ Простой корень **rei-* 'течь' выступает в др.-инд. *ray-ah* 'поток'. Образованиями с суффиксальным -*n*- являются также ср.-ирл. *rián* 'река, путь', галл. *Rēnos* (→ лат. *Rhēnus*) 'Рейн'.

¹² Георгиев В. Исследования по сравнительно-историческому языкознанию. М., 1958. С.120, 128, 133; Georgiev V. Introduction to the History of the Indo-European Languages. Sofia, 1981. P.117, 170 (со ссылкой на В. Бранденштейна).

¹³ См., например: Шантрэн П. Историческая морфология греческого языка. М., 1953. С.81.

¹⁴ Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Тбилиси, 1984. Т.1. С.227.

¹⁵ Ср., например, лат. *femoralia* = *feminalia* 'вид коротких брюк' — чередование суффиксов; Nom. S. *femur* — Gen. S. *femūnis* 'бедро' — гетероклиза.

¹⁶ Nehring A. A Neglected Heteroclytic Noun // Language. 1940. Vol.16 (1). P.1—11. Ср. также: Топоров В. Н. Прусский язык: Словарь A—D. М., 1975. С.319; Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Т.1. С.227.

¹⁷ Corpus Inscriptionum Latinarum (CIL). I², 366, а также XI, 4766. Долгота *i* у прилагательного *dīnus* подтверждается размером одного из стихов Плавта (Mil. Glor. 675). Написание одного и того же гласного то как *ei*, то как *i* не является чем-то необычным. Так, в рамках одной и той же надписи (CIL XIV, 2090) в двух соседних словах флексия Dat. S. III склонения передана теми же двумя способами: *Seispiit-ei Matr-i*.

¹⁸ См., например: Тронский И. М. Историческая грамматика латинского языка. М., 1960. С.103.

¹⁹ Leumann M. Lateinische Laut- und Formenlehre. München, 1977. S.136.

²⁰ Нидерман М. Историческая фонетика латинского языка. М., 1949. С.109.

²¹ Там же. С.110. *Нарак* *obliscor* (Акций) более не встречается во всей последующей истории латинского языка.

²² Эрну А. Историческая морфология латинского языка. М., 1950. С.283.

²³ Встречающееся в ряде работ предположение о том, что ст.-слав. ДИВЪ 'чудовище', болг. *div* 'злой дух', пол. *diw* 'демон', др.-рус. *диво* 'чудо, диво' и другие славянские соответствия могут представлять собой заимствование через тюркское посредство из персидского, а не являются исконными словами, восходящими к и.-е. **dei-*ц-, трудно признать правдоподобным (Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1964. Т.1. С.512; Этимологический словарь славянских языков / Под ред. О.Н.Трубачева. М., 1978. Вып.5. С.35 (далее — ЭССЯ)). Единственным аргументом против сближения славянских слов с др.-инд. *dēvāh*, лат. *dīvus*, лит. *dīvas* и др. ('бог') О.Н.Трубачев считает то, что «между этими словами и праслав. *dīvъ*, в сущности, нет ничего общего со стороны значения» (ЭССЯ 5, 35). Так ли это? Прежде всего семантическое развитие 'бог' → 'злой дух' представляет собой определенную универсалию. Так, в Авесте не только и.-е. **deīcos* 'бог' дает *daēva-* 'демон, дьявол, чудовище, идол', но и целый ряд других ведических божеств выступают как злые духи (Барроу Т. Санскрит. М., 1976. С.10). Считая этот семантический сдвиг сугубо иранским явлением, некоторые исследователи ст.-слав. ДИВЪ 'чудовище', болг. *div* 'злой дух' и др. стали считать иранизмами в славянских языках. Между тем в литовском языке, где *dīvas* означает «бог», производное этого слова *deiviškas* имеет значение «адский» и «*raganiškas*» (от *gāpā* 'ведьма'). Лит. *dīvas* — это не только «бог», но также «идол, истукан». То же значение имеют производные *dievainis* и *dievaitis*.

Следы исконно славянского **dei-*ц- > *ди-в-* 'бог' прослеживаются в сочетаниях типа др.-рус. *звѣри дивни* 'дикие звери', букв. 'звери бога, божьи звери', что находит полное семантическое соответствие в лтш. *dieva zuosis* 'дикие гуси' (букв. 'гуси бога') и др. См. об этом: Mühlenbachs K., Endzelin J. Lettisch-deutsches Wörterbuch. Riga, 1943. Heft 1. S.486. См. также: Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Т. II. С.488.

Значения славянских слов, родственных русскому *диво* 'чудо', *дивный* 'чудесный, великолепный', могут быть связаны непосредственно с и.-е. **dei-*ц- 'бог' (ср. рус. *божественный*, лтш. *dėvīgs* 'чудесный, великолепен-

ный'). Но поскольку в славянских языках и.-е. название бога приобрело явно негативный смысл, вероятно, связь значений «бог» и «дивный, чудесный» была в славянском ареале опосредствованной. В качестве *tertium comparationis* мы можем рассматривать здесь древнейшее значение и.-е. корня **dei-* 'светить, блеснуть'. Ср. рус. *дивный*, серб.-хорват. *dīvan* и др.-инд. этимологически прозрачное *dēvanam* 'блеск, сияние'.

При сравнении лат. *dīvīnus* 'божеский' и рус. *див(ь)ный* 'великолепный, прекрасный' расхождение значений очевидно. Но лит. *dīvīnas* имеет оба этих значения (см.: Lietuvių kalbos žodynas / Atsak. redaktorius J.Kruopas. Vilnius, 1969. Т. II. Р. 520), объединяя все три слова как производные и.-е. корня **dei-* 'светить, блеснуть'.

Вообще, наличие для др.-рус. *дивъ*, *диво*, *дивный* надежных соответствий в украинском, чешском, польском, верхне- и нижнелужицком, болгарском и сербохорватском языках — с большим количеством производных — делает предположение об иранском происхождении этих слов крайне маловероятным. Против идеи о персидском источнике слова *дивъ* высказывались еще Ф.Е.Корш (в рецензии на книгу: Miklosich Fr. Die türkische Elemente in den südost- und ost-europäischen Sprachen. Wien, 1884. In: Afsl. Ph. 1886. Bd 9. S.497) и П. М. Мелиоранский (Мелиоранский П. М. Турецкие элементы в языке «Слова о полку Игореве» // Изв. Отд. рус. языка и словесности Академии наук. СПб., 1902. Т.7, кн.2. С.287). Еще больше противников у этой гипотезы в наши дни. А Т. Барроу, например, вообще скептически относится к вопросу о славянских иранизмах: «Все попытки подыскать примеры иранских заимствований в славянских языках были исключительно неудачны» (Барроу Т. Санскрит. С.26). Не берусь судить о всех гипотетических иранизмах, но в случае со словами *дивъ*, *дивный* и др. можно с достаточной уверенностью утверждать, что они относятся к исконной славянской лексике и иранизмами не являются.

²⁴ Интересно отметить, что значения «день» и «бог», «божеский» могут совпадать у образований с каждым из чередующихся суффиксов в рамках как одного языка, так и в разных и.-е. языках. Ср.: др.-инд. *dī-v-ām* 'день' и *dī-v-y-am* 'божественность'; лит. *die-n-à* 'день' и лат. *dei-p-a* 'божеская, божественная'.

²⁵ Шантрен П. Историческая морфология греческого языка. С. 81.

²⁶ Эрну А. Историческая морфология латинского языка. С.48—49. Ср. также: Ernout A., Meillet A. Dictionnaire étymologique de la langue latine: 4ème ed. Paris, 1959. Т. I. Р.170; Линдсей В. М. Краткая историческая грамматика латинского языка. М., 1948. С.137. — Последний автор предлагает странную реконструкцию: **deivus* > **deius* > **deus*. Это — явный анахронизм, предполагающий, что изменение -os > -us произошло до выпадения *v* и *i*, а также до монофтонгизации дифтонга *ei*.

²⁷ Ср.: Stolz F., Schmalz J. Lateinische Grammatik: 5. Aufl. / Bearb. von M. Leumann und J. V. Hofmann. München, 1928. S.77; Otrębski J., Saffarewicz J. Gramatyka historyczna języka łacińskiego. Warszawa, 1937. S.47; Нидерман М. Историческая фонетика латинского языка. С.108; Тронский И. М. Историческая грамматика латинского языка. С.76, 95, 103.

²⁸ Leumann M. Lateinische Laut- und Formenlehre. S.136. — Ссылки на поздние примеры выпадения интервокального *v* (между гласными даже разного качества) в системе глагола (*amaī, cantai*) хронологически относятся к иной эпохе (ср. восходящие к ним романские формы). То же относится к романск. *gio* (< лат. *gīvus* 'ручей').

²⁹ Нидерман М. Историческая фонетика латинского языка. С.108; Тронский И. М. Историческая грамматика латинского языка. С.103.

³⁰ Ср. также *au-cers, au-sprex* (к *avi-s* 'птица'), *audeo* (но *avidus*), *cautum, gaudeo, claudio* и др. (Leumann M. Lateinische Laut- und Formenlehre. S.97). Для разговорного языка характерной была синкопа в глагольных формах типа *amaut, cantaut*, где также, после синкопы *i, v*, изменилось в *u*. Причем это изменение засвидетельствовано уже в I в. н.э.: *pedicaud* (CIL IV, 2048, Помпей).

³¹ Leumann M. Lateinische Laut- und Formenlehre. S.378 (со ссылкой на Э. Бенвениста).

³² Ср. лит. *šlīē-ti* 'наклонять' → *šlaj- t-as* 'склон', *šlej-v-as* 'кривой' (обычно — о ногах).

³³ «В латинском языке есть синкопированные слова, но нет законов синкопы» (Тронский И. М. Очерки из истории латинского языка. М.; Л., 1953. С.173). О том, что синкопа в латинском языке в отдельных случаях могла быть связана с иноязычным влиянием, см.: Тронский И. М. Историческая грамматика латинского языка. С.89.

³⁴ *Seivis* и *deivos* засвидетельствованы в подписях: *dēvos* соответствует форме *Dat. Pl.* женского рода *devas* (CIL I², 975).

³⁵ Нужно думать, что и в слове греческого происхождения *oleum* также не было выпадения *v* перед *ō*. Гораздо естественнее видеть в соотношении *olīva : oleum* такую же пару, как *dīvus* и *deus* (и другие примеры из схемы на с.162), причем **olēva > olīva* (без синкопы), а **olēvom* — после выпадения *ō* — дало *oleum*.

³⁶ Кстати, балтийский материал проливает новый свет также и на вопрос о происхождении флексии *Gen. S.* (*e/o-* основ) *-osio* в латинском и в других и.-е. языках. См.: Откупщикова Ю. В. Латинская флексия *-osio* в *G. S.* *e/o-*основ // Язык и стиль памятников античной литературы (*Philologia classica*. Вып.3 / Отв. ред. Ю. В. Откупщикова). Л., 1987. С.120—126.